НОВЫЕ МЕДИА

Гавра Дмитрий Петрович, доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: d.gavra@spbu.ru

Быкова Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e.bykova@spbu.ru

МЕДИАТИЗИРОВАННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ПРОТЕСТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: АЛГОРИТМЫ ПОСТРОЕНИЯ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ[1]

В статье предложена алгоритмическая модель стратегий мобилизации протеста в социальных сетях посредством медиатизации локального инцидента на примере события, получившего в социальных сетях название «Скверная история» (Екатеринбург, 2019) и перешедшего в реальное противостояние гражданских активистов с субъектами местной власти и бизнеса. Исследование проводится на стыке политологической теории дискурса, филологической теории речевых актов и теории медиатизации, реализуемой в русле подхода к изучению теории повестки дня. Цель исследования – предложить теоретическую модель формирования мобилизационных стратегий в ситуации медиатизации локального инцидента и проверить лежащие в ее основе базовые гипотезы. Авторы выявили наличие эксплицитных маркеров парциальных стратегий в речевых практиках агентов сетевой мобилизации и доказали методами структурно-семантического анализа высказываний, что медиатизация локального инцидента в высказываниях в социальных сетях может выступать в качестве одного из механизмов мобилизации политического протеста.

Ключевые слова: *медиатизация, мобилизация, алгоритм, речевая стратегия, социальные сети, протест.*

Dmitry P. Gavra, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: d.gavra@spbu.ru

Elena P. Bykova, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: e.bykova@spbu.ru

MEDIATIZED PROTEST MOBILIZATION ON SOCIAL NETWORKS: ALGORITHMS FOR BUILDING SPEECH STRATEGIES

The article proposes an algorithmic model for the formation of strategies for mobilizing protest on social networks through the mechanisms of mediatization of a local incident on the example of an event which received wide resonance in the

Internet space and turned into a real confrontation between civil activists, local authorities and businesses. The research is interdisciplinary in nature and is carried out at the junction of the political science theory of discourse, the philological theory of speech acts, and the theory of mediatization, implemented in line with the institutional approach to agenda setting. In the empirical part of the work, methods of mathematical processing of big data are used. The purpose of the study is to propose a theoretical model for the formation of mobilization strategies in the situation of mediatization of a local incident and to test the underlying hypotheses based on the analysis of the conflict around the project of building a temple on the site of a public garden (Ekaterinburg, 2019). The authors revealed the presence of explicit markers of partial strategies in the speech practices of agents of online mobilization. Using the methods of linguistic analysis, they showed that the mediatization of a local incident on social networks can act as one of the mechanisms for mobilizing political protest.

Key words: *mediatization, mobilization, algorithm, speech strategy, social networks, protest.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2021.324

Введение

Цифровая трансформация последнего десятилетия заставляет заново обратиться к концепту медиатизации на макро- и микроуровне. Медиатизация как способ организации коммуникативного поля вокруг информационного повода через его внесение в повестку дня и поддержание трафика становится важным инструментом влияния и драйвером социальных и политических процессов.

Сегодня медиатизация существенно отличается от предшествующих форм коммуникативного опосредования социальности, что обусловлено возможностями цифровых технологий и потерей монополии институциональных акторов на формирование повестки дня. В научной литературе последних десятилетий медиатизации уделяется существенное внимание (Hjarvard, 2008; Hjarvard, 2012; Lundby, 2009) и др. Как пишет А. Хепп, опосредованные медиа процессы социального конструирования включают в себя не только коммуникативные взаимодействия между людьми, но и автоматизированное накопление и обработку данных, которые ежесекундно производят пользователи цифровых коммуникативных устройств (Hepp, 2013: 615–629). К. Ландби рассматривает медиатизацию в контексте трансформации социальных институтов, обусловленную влиянием СМИ (институционалистский подход), и с точки зрения влияния информационно-коммуникативных технологий на повседневные и социальные практики (социально-

конструктивистский подход) (Lundby, 2009). Различные трактовки термина и отличие в оценке феномена медиатизации на уровнях социальной иерархии требуют осмысления коммуникативного влияния медиатизации на социально-политическую динамику в изменившемся поле власти в сетевом обществе.

Одним из основных тезисов теории медиатизации является понимание медиа и в широком плане коммуникационных посредников как фактора социальных и культурных трансформаций, о чем аргументированно пишет С. С. Бодрунова (2014: 87–101). Однако не хватает прикладных исследований медиатизации на уровне реальных проблемных ситуаций *ad hoc*, поскольку в сообществах, где каждый имеет гаджет, медиатизационная динамика порождает новые, подчас неожиданные эффекты. Применяя концепт медиатизации, важно двигаться от макросоциологических структурно-функциональных построений к анализу медиатизационных эффектов на локальных уровнях. Исследование медиатизации локального или относительно ограниченного информационного повода принципиально для понимания современных мобилизационных процессов, способных в том числе порождать динамику политического протеста.

В цифровом обществе протестная активность перемещается в онлайн-пространство, где сетевые активисты используют определенный арсенал коммуникативных стратегий протестной мобилизации. Одна из стратегий – идентификация некоторого реального события как повода, обладающего мобилизационным протестным потенциалом, и его дальнейшая онлайн-медиатизация. С нашей точки зрения, медиатизация события с протестным потенциалом – это социально-коммуникативный процесс увеличения коммуникативного и социального капитала некоего потенциально конфликтного информационного повода, в ходе которого лидеры мнений, используя определенный речевой репертуар и выполняя определенные роли, оказывают влияние на формирование общественного мнения вокруг этого события, на сопряженный с ним функционал институциональных акторов и стимулируют онлайн- и офлайн-протестные активности в конкретных социально-политических координатах.

В понимании медиатизации мы опираемся на работы А. Н. Гуреевой (2016: 192–208), В. М. Хруля (2018: 138–143), С. С. Бодруновой (2014). Медиатизация может иметь естественную социально-коммуникативную динамику, а может быть использована институциональными политическими акторами для придания

социально-политической ситуации новой динамики (Schulz, 2004: 87–101; Ним 2017: 8–25) Поэтому мобилизационные средства, репрезентированные в речевой практике акторов медиатизированного протестного дискурса, требуют специального рассмотрения.

В ходе сетевой медиатизации локальное событие меняет масштаб, раскручиваемая спираль публичности позволяет рекрутировать новые и новые отряды пользователей Сети, которые комментируют событие, делают репосты, увеличивая жизненный цикл сообщения, удерживая его на новостной ленте. У медиатизации есть активные игроки – сетевые агенты медиатизации, которые реализуют мобилизационные стратегии в Сети для роста социальной базы протеста. На определенном этапе сетевые акторы переводят протест в офлайн – в митинги, массовые акции и т. п. В исследовании рассматриваются возможные варианты таких стратегий, предлагаются варианты их типологизации и проверяется гипотеза об ограниченном наборе речевых стратегий, с помощью которых может быть осуществлена онлайн-мобилизация протеста, связанного с локальным социальным/социально-политическим инцидентом.

Авторами выбран инцидент в Екатеринбурге, связанный с проектом строительства православного храма Св. Екатерины на месте популярного сквера. Инцидент быстро переместился из локальной в федеральную информационную повестку. Появляются публикации в наиболее цитируемых СМИ (по данным Медиалогии). В «Коммерсанте»: «Горожане отстояли в сквере. Третий день в Екатеринбурге продолжается акция протеста против строительства храма»[2]; в «Комсомольской правде»: «Как «Комсомолка» разрешила конфликт в Екатеринбурге: храм/сквер»[3]; в «Российской газете»: «Сквер у театра исключен из списка мест строительства храма в Екатеринбурге»[4]. Речевые конструкции в заголовках демонстрируют оценку ситуации в каждом СМИ: так, «Коммерсантъ» обозначает ситуацию как *протест*, «Комсомольская правда» как *конфликт интересов*, «Российская газета» как *рутинное городское событие*. В заголовке или заголовочном комплексе в материалах лексема «сквер» выполняла функцию метатега – семантического магнита – для поисковых роботов, необходимых для выдачи контента и оценки его важности по заголовку, описанию, ключевым словам.

Речевые стратегии и эффекты медиатизации рассматриваются в русле дискурсивного подхода, учитывающего социально-политические факторы, речевую ситуацию в координатах «здесь и сейчас», теорию повестки дня (*agenda-setting theory*) МакКомбса и Шоу (McCombs, Shaw, 1972: 176–187). Авторы опираются на теорию речевых актов Дж. Остина (Austin, 1962), логику Дж. Серля (1986: 151–222), что позволяет прогнозировать речевое поведение по вводимым дихотомическим интенциям субъектов протеста в постах, которые репрезентируют стратегические мобилизационные репертуары сетевых активистов.

Постановка проблемы и базовые теоретические подходы

Основные вопросы исследования состоят в следующем:

1. Какие речевые стратегии сетевых активистов способствуют превращению локального инцидента, обладающего протестным потенциалом, в реальный повод для мобилизации массового протеста?
2. Что такое мобилизационная речевая стратегия, какими теоретическими моделями она может быть описана?
3. Какие мобилизационные речевые стратегии используют акторы протестной мобилизации в социальной сети?

Прежде всего, определим одну из ключевых категорий исследования – категорию протеста. Согласно С. И. Ожегову, «протест» — это «решительное возражение против чего-нибудь» (1981: 555). Протест как психологический феномен – это «паттерн поведения, направленный против реальной или воображаемой угрозы безопасности, потери благ, нарушения личностных границ, а также ограничения свободы, самореализации и масштаба личности» (Гусейнов, 2012: 11). Рассматривая политический протест, мы опираемся на признанную классической дефиницию Дж. Дженкинса и Б. Кландерманса, определявших политический протест как «коллективное действие или систему коллективных действий, направленных на изменение систем представительной и/или исполнительной власти, проводимой государственной политики или взаимоотношений между гражданами и государством в целом» (Jenkins, Klandermans, 1995: 6). При этом мы, вслед за М. Р. Сабитовым, полагаем, что понятие «политический протест», включает в себя «не только активные и публичные формы социального недовольства, но и пассивные политические поведенческие

практики, которые также отражают социальное недовольство существующей политической системой или отдельными ее элементами» (2012).

Для ответа на первый исследовательский вопрос мы обращаемся к теории повестки дня МакКомбса и Шоу (McCombs, Shaw, 1972: 176–187). Основываясь на тезисе, что «эффект установления повестки дня» иначе определяется как «акт веры в суждения средств массовой информации», мы исходим из того, что превращение локального инцидента в ключевой информационный повод может быть осуществлено в социальных сетях, где формируются гомогенные сообщества, так называемые «пузыри», в которых актуализируется «спираль молчания» (Ноэль-Нойман, 1996). Спираль молчания проявляется в групповой солидарности вокруг позиции лидера, поддерживаемой репостами, лайками, комментариями, и подавлении позиции оппонентов, которые подвергаются дискриминации, троллингу, банятся, исключаются из группы.

Модель повестки дня может применяться к анализу постов лидеров мнений, которые в своих сообществах формируют альтернативный официальной медийной повестке информационный поток вокруг инцидента. В результате формируются коммуникативные ножницы между мнением близких из группы в сети и далеких из больших медиа. Таргетированные сообщения выдают в топ повестки один блок информации и оценок инцидента, а федеральные медиа не освещают это событие или освещают его иначе. Симпатии юзеров складываются в пользу близких источников, которые раскручивают мобилизационную спираль протеста и проводят медиатизированную сетевую мобилизацию, в результате которой альтернативная сетевая повестка может получить высокий мобилизационный потенциал, стимулировать выход сетевых акторов в офлайн для перехода в реальное противостояние.

При ответе на вопрос о речевых стратегиях мы опираемся на теорию речевых актов Дж. Остина и рассматриваем речевой акт как элементарную единицу общения, последовательность речевых действий для достижения цели мобилизатором протеста в социальной сети. Теория речевых актов релевантна для анализа речевого поведения субъектов в социальных сетях, поскольку различие между устной и письменной речью в цифровой среде стерто (Коньков, 2020: 474–476)

Дж. Остин (Austin, 1962) выделяет три вида речевых актов – локутив, иллокутив, перлокутив. Иллокуция рассматривается как

сетевое действие для реализации интенции – проинформировать, распространить информацию, дать оценку, призвать, проинструктировать и т. п. Субъект, выражая интенцию онлайн, манифестирует свою позицию, опирающуюся на потребности или ценности. Для успешной коммуникации лидера мнений с последователями необходимо условие: ответный речевой акт адресата должен совпадать с перлокуцией отправителя, соответствовать его ожиданию, тогда адресат заслуживает одобрение лидера мнений и включается в пул единомышленников. Ценностный аспект коммуникативного взаимодействия является первым этапом мобилизации пользователя социальной сети, создающим перлокутивный эффект – согласие адресата на осуществление требуемого действия в онлайн-пространстве: поставить лайк, сделать репост, сделать репост с собственной оценкой ситуации, разместить пост в сообществе, перейти по предлагаемой ссылке на сайт, подписать петицию и т. п. Перлокуции могут создать прецедент перехода из формы речевой коммуникации онлайн в форму прямого действия офлайн: пикетирования, выхода на митинг. То есть мобилизационные речевые стратегии лидеров мнений способны порождать, организовывать и координировать массовое протестное офлайн-действие.

Эмпирическое исследование: цель и методологические основания

Ответ на третий вопрос предполагает эмпирическое исследование – выявить элементарные коммуникативные речевые стратегии пользователя сети, которые переводят его в статус агента протестной мобилизации. Мы полагаем, что для современной российской политической ситуации существует единый и ограниченный набор речевых стратегий мобилизации протестной активности через медиатизацию локальных инцидентов в онлайн. Сетевые акторы, выступающие агентами мобилизации протеста, реализуют некоторый алгоритм, который представляет собой выбор речевых стратегий из комбинации дихотомий. В результате этих выборов у каждого актора мобилизации складывается индивидуальный профиль речевой стратегии для конкретного инцидента. Принципиально важной гипотезой является то, что, при всей широте спектра этих индивидуальных профилей, сам набор стратегических выборов для каждого из акторов является универсальным и ограниченным. Ретроспективный анализ социальной динамики сетевых массивов активностей пользователей социальной

сети «ВКонтакте» по 5 кейсам протестной активности за 2018–2020 гг. позволил авторам выделить семь элементарных стратегических дихотомий, выбирая из которых сетевой актор формирует свой индивидуальный мобилизационный речевой профиль.

Обозначим эти дихотомии.

Дихотомия 1:

- стратегия поддержания напряженности;
- стратегия эскалации напряженности.

Дихотомия 2:

- стратегия фокусировки на конкретном инциденте;
- стратегия переноса и гиперболизации на более широкий круг объектов.

Дихотомия 3:

- стратегия канализирования и направления негативной энергии на конкретных лиц;
- стратегия канализирования и направления негативной энергии на социальные институты.

Дихотомия 4:

- стратегия воспроизводства протестных активностей в онлайн;
- стратегия перевода протеста в офлайн.

Дихотомия 5:

- стратегия прямых призывов к протестному действию;
- стратегия нагнетания эмоционального напряжения и соответствующей эмоциональной мобилизации участников сетевых дискуссий.

Дихотомия 6:

- стратегия апелляции к низшим потребностям;
- стратегия апелляции к ценностям и высшим потребностям.

Дихотомия 7:

- стратегия «взрослый–ребенок»;
- стратегия «взрослый–взрослый» (Берн, 2018).

Цель эмпирического исследования – проверить базовую гипотезу о наличии потенциальных парциальных дихотомических стратегий мобилизации протеста посредством медиатизации локального инцидента в социальных сетях на конкретном кейсе (Екатеринбург, 2019). Дополнительной целью исследования является верификация операциональной гипотезы о наличии эксплицитных маркеров таких парциальных стратегий в речевых практиках агентов сетевой мобилизации и, соответственно,

о возможности выявления таких стратегий методом структурно-семантического анализа высказываний.

Теория повестки дня использована при выявлении постов в социальной сети «ВКонтакте», посвященных локальному инциденту – протестам по поводу возможного строительства храма на месте сквера в г. Екатеринбурге.

Методология исследования

Методологической основой для выявления маркеров парциальных дихотомических стратегий в речевых партиях акторов сетевой коммуникации является теория речевой стратегии (или коммуникативной стратегии – это термины-дублеты) ван Дейка (1989), которая является релевантной для анализа единиц речевого репертуара. Суть коммуникативной стратегии заключается в разработке долгосрочной последовательности действий, которые должны привести к результату с максимальной выгодой для их производителя. Это «комплекс действий, направленный на достижение коммуникативной цели» (Иссерс, 2008), связанных с социальным спором, противоборством, и задается соотношением «действительность – автор – текст – адресат» (Борисова, 1999). Анализ коммуникативных стратегий проводится на основе вербального следа, оставленного автором сетевой коммуникации в посте или комментарии. Выделение речевых стратегий проводится с опорой на прототипическую конструкцию высказывания, то есть речевую единицу, проявляющую в большей степени свойства, общие с другими единицами данной группы и реализующие ее в полном виде без примеси иных свойств (Givón, 1986: 77–102).

Протипическая ситуация эксплицируется в предикате высказывания грамматически, самой формой предложения, либо лексически – глагольной лексемой, модусным предикатом со значением призыва, инструктажа, воззвания, директивы и т. п.

При работе с текстовым массивом применены методики формализованной обработки данных. На базе специально созданной самообучающейся нейросети были агрегированы 100% активностей в социальной сети «ВКонтакте», чтобы проследить, какой путь прошла тема «сквер/храм», пока не получила статус объекта медиатизации. Исходными данными для исследования являются идентификаторы записей, в которых выявлены главные акторы мобилизации. Выявление акторов происходит на основе показателей

активности пользователей и групп. Показателем активности актора является количество комментариев, оставленных им на платформе субъекта. Верификация методики проводилась поэтапно: 1) сбор данных; 2) сегментация данных, 3) анализ данных и выявление акторов мобилизации (Проноза, Виткова, Чечулин, Котенко, Сахаров, 2018: 170–173; Vitkova, Kolomeets, 2019: 285–293).

Методика отбора материала для анализа

Потенциальные агенты мобилизации отобраны на основании количественного, а затем качественного анализа публикаций постов (отдельно) и комментариев (отдельно) в социальной сети «ВКонтакте», распознанных и извлеченных с помощью нейросети по ключевым словам «сквер», «Екатеринбург» и соответствующим хэштегам. В анализируемую рамку включены топ-10 авторов постов лидеров мнений из всех, учтенных в системе за анализируемый период, посвященных конкретному инциденту, и выделены по количеству сделанных комментариев к постам лидеров мнений наиболее активные комментаторы. Активность комментаторов определялась оперативностью реакции на опубликованный пост, как правило, первые комментарии под размещенными постами имеют большое количество лайков, что эксплицирует речевой поступок как лидерство, социально одобряемое в данном сообществе речевое поведение и мировоззренческую позицию. Анализ речевого репертуара агентов медиатизации проводился методом контент-анализа релевантных инциденту постов и комментариев, в которых выявлялись маркеры речевых актов по реализации парциальных дихотомических стратегий.

Методика отбора материала была проведена следующим образом:

1. Сформирован общий датасет по тегу #Екатеринбург в период апрель–май 2019. Всего – 1498 постов.
2. В сформированном датасете была проведена фильтрация вручную на предмет соответствия поста теме «храм/сквер». Выделено 1178 релевантных постов.
3. Из выделенных 1178 постов, соответствующих теме «храм/сквер», отобраны публикации сторонников сквера. Обнаружено 177 релевантных постов.
4. Из выделенных 177 публикаций по теме методом фильтрации по количеству комментариев к постам выделены топ-10 авторов постов. Речевой репертуар топ-авторов и ком-

ментаторов был проанализирован с позиции теории речевых актов Дж. Остина с использованием семантико-синтаксического и лексического анализа высказываний.

5. Сформирован второй датасет – комментарии к постам по тегу #Екатеринбург_Сквер к десяти топовым авторам. Всего учтено 1 716 комментариев с высказыванием позиции, и выделены комментаторы, которые являются мобилизующими субъектами протестной динамики, распространяющими призывы к активному действию, способствуя медиатизации инцидента.

Результаты исследования

Для сетевой протестной мобилизации по рассмотренному локальному инциденту достаточно ограниченного количества агентов с релевантными для инцидента индивидуальными стратегическими коммуникативными профилями. Обратимся к количественным данным:

Таблица 1

Соотношение количества постов «ВКонтакте» по теме #Екатеринбург и постов по теме #храм/сквер/Екатеринбург по итогам общей выгрузки

Всего постов по теме Екатеринбург (май 2019)	1 498
Всего постов «ВКонтакте» по теме храм/сквер (май 2019)	1 178
Доля постов по теме храм/сквер от общего количества постов по тегу Екатеринбург	38%
Доля постов против строительства Храма от общего числа постов по теме храм/сквер	39%
Доля постов-призывов от всех постов по теме храм/сквер	22%
Доля постов с призывом к действию от всех постов против строительства Храма	9%

Как показывают данные, тема «храм/сквер» в медиаповестке мая 2019 г. не была ведущей, доля постов с призывами к активному противостоянию от общего количества постов о ситуации в Екатеринбурге составляла всего 9%. Однако в совокупности вся динамика сетевой дискуссии позволила локальному инциденту медиатизироваться и стать самой обсуждаемой новостью в федеральных СМИ.

Структурно-семантический анализ высказываний в постах топ-10 лидеров мнений и самых активных комментаторов в «ВКонтакте»

позволил выявить шесть из семи дифференциальных стратегий протестной мобилизации, каждая из них имеет маркеры парциальных дихотомий. Каждый из парциальных типов, указанных в операциональной гипотезе, имеет статистически значимую представленность в общем массиве сетевых активностей. Для выявления седьмой пары парциальных стратегий необходимы дополнительные исследования. Выявленные парциальные дихотомии позволяют сделать вывод о подтверждении содержательной гипотезы в исследуемом локальном инциденте, которая получила название #Скверная история и стала медийным прецедентом (Скверная история, 2020[5]; Скверная история продолжается, 2020[6], Скверная история на Малой Охте, 2020[7]).

Приведем примеры речевых действий по каждой парциальной дихотомии (орфография и пунктуация в постах «ВКонтакте» сохранена).

Дихотомия 1:

• *стратегия воспроизводства протестных активностей в онлайн* репрезентируется в речевых актах с семантикой приглашения, информирования, директивы, инструкции:

«Общегородская перекличка тех, кто за сквер – 2 марта, в 16:00. Помогайте рассказать о ней. Это очень важно. Здорово будет, если вы поделитесь этим постом со своими друзьями. Или отправите им ссылку на наш сайт»; «Мы следили за происходящим в городе в режиме онлайн. В Екатеринбурге у Театра драмы в ночь на 13 мая поставили забор. Если вы находитесь там, сделали интересное фото или видео, пришлите его нам по WhatsApp, Viber и Telegram: +7 ... или на почту...». Глаголы в форме повелительного наклонения: *помогайте, отправьте, поделитесь* представляют собой инструктаж по распространению протестного контента, наречия с позитивной семантикой *важно, здорово* поощряют сетевую мобилизацию.

• *стратегия перевода протеста в офлайн* репрезентируется в речевых актах со значением приглашения к действию:

«Общегородская перекличка тех, кто за сквер – 2 марта, в 16:00 в сквере у Драмтеатра. *Приходите сами и приглашайте друзей!»;* «Погода сегодня конечно не настолько хороша, как вчера, но она никак не может помешать нам с вами встретиться в сквере и сегодня тоже! *Приходите в 19:00 и приводите друзей*!».

Дихотомия 2:

• *стратегия прямых призывов к протестному действию* репрезентирована в речевых актах инструктажа, призыва, предупреждения:

«Если сегодня вы собираетесь *отправиться в сквер, чтобы выразить свое мнение* по поводу строительства собора Святой Екатерины, или уже находитесь там, *прочитайте краткую инструкцию, как вести себя во время задержания*. Мы, конечно, надеемся, что она вам не пригодится, но лучше все же *откройте инструкцию прямо сейчас и сохраните* ее в закладках на телефоне».

• *стратегия нагнетания эмоционального напряжения* репрезентирована речевыми актами со значением просьбы, воззвания, описания положения дел с использованием эмоционально окрашенной и обсценной лексики как в постах, так и комментариях к ним:

«А вас просим: приглашайте всех друзей и знакомых 2 марта в сквер у театра Драмы. Посчитаемся, сколько нас, заодно узнаем, зелёная ли мы молодёжь»;

«*Третья ночь битвы за сквер* в Екатеринбурге. Мы ведем онлайн-трансляцию с места событий» усиливается комментаторами постов: «Дак все таки, будут строить((; Да неужели его все таки построят? ☺; Может у них ниче не получится)»; «Дело же не в самом строительстве Храма, а в том что людей никто нахрен не спрашивает и не считается с их мнением. □»; «Совсем уже с майданами крышак рвет у людей везде мерещится майдан... человек просто фото сделал а его уже в революционеры записали; Обострение какое-то на Урале? *или уже время пришло вилы хватать*? ».

Дихотомия 3:

• *стратегия канализирования и направления негативной энергии на конкретных лиц:*

«*Глава города Александр Высокинский сегодня неожиданно выступил с обращением* к «публичным лидерам протеста», как он сам написал. Через 20 дней после начала конфликта вокруг строительства храма в сквере у Драмтеатра мэр решил спросить у защитников сквера: они против строительства именно в этом месте или против собора вообще? Публикуем это обращение Высокинского целиком»;

«Уже отовсюду посыпались статейки, где горожан морально готовят к тому, что «активисты хотят всех подставить». *Оказывается, мы хотим*... Не смолчали и отправили официальное письмо г-ну Вихареву А. А. Ответа ждем положенные 30 дней».

• *стратегия канализирования и направления негативной энергии на социальные институты:*

«Житель Екатеринбурга Сергей Новгородов заметил, что уже несколько лет в Историческом сквере лежат пеноблоки от какого-то летнего кафе. Он обратился в *комитет по благоустройству администрации Екатеринбурга, чтобы их убрали, но ему ответили, что ничего делать не будут*. Тогда он психанул, заказал КАМАЗ и все убрал сам».

Дихотомия 4:

• *стратегия фокусировки на конкретном инциденте:*

«Прошлой ночью в сквере у Театра драмы поставили *две светящиеся фигуры в честь защитников сквера*. Сегодня эти *арт-объекты отправились гулять* по ночному городу. Так их создатели хотят *привлечь внимание* к пока существующим зеленым островкам Екатеринбурга», поддерживается комментированием: «Слабо, но для начала пойдет. *Молодцы граждане, которые отстаивают сквер»*.

• *стратегия переноса и гиперболизации на более широкий круг объектов:*

«Александр Устинов у себя в Facebook проиллюстрировал, *сколько общественного пространства церковь уже забрала у екатеринбуржцев*. Он показал это на примере газона у Храма на Крови, который, по его мнению, *соседство с церковью заморозило для обычных людей,* превратив в газон «По траве не ходить. Не сидеть. Не петь песни. Не играть!». Почитайте!», поддерживается комментированием: «Пусть сначала создадут *новые скверы и парки*, чтобы люди увидели и оценили, потом можно о стройке и разговоры вести...»; *«Да вся страна уже за екатеринбуржцев болеет и желает им отстоять сквер. Потому что это уже больше, чем защита сквера – люди за свое бьются. За свой образ жизни, за свободу, за будущее своих детей»*.

Дихотомия 5:

• *стратегия поддержания напряженности:*

«*После того, как с 13 на 14 мая горожане десять часов отстаивали сквер у Драмтеатра, конфликтуя с бойцами РМК, выставленными на его защиту*, губернатор Евгений Куйвашев *пригласил участников конфликта* и наблюдателей на разговор»;

«Сквер, за который боролись горожане, огородили, людям запретили ходить по территории. Там дежурят сотрудники Росгвардии. Вечером того же дня началась акция в защиту сквера. Люди снесли забор, но пришедшие спортсмены силой вытолкали людей и вновь подняли забор».

Глаголы с негативной коннотацией используются для описания сторонников храма (ассоциация с властными структурами): *огородить, охранять, запретить, вытолкать, дежурить*. Глаголы, обозначающие действия защитников сквера, – *бороться, снести, защищать, начать акцию* – образуют антонимические пары с глаголами, обозначающими действия защитников строительства храма, репрезентирующих противостояние «защитников свободы» и «охранителей режима».

• *стратегия эскалации напряженности:*

«*Два часа они разговаривали о том, как решить проблему*. В том числе предлагали выбрать новое – третье по счету – место под храм, *но губернатор переносить его отказался*. И предложил участникам борьбы за сквер выйти на санкционированный властями митинг, а *не устраивать «оголтелый протест»*, поддерживается комментированием «*новый храм на крови – на крови народа, ЕКАТЕРИНБУРГ ПОКАЗЫВАЕТ ПРИМЕР ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ!*»; *«В школах уроки православия, храмы строят, законы, охраняющие чувства этих, как они... верующих. Дальше инквизиция? Насильное крещение взрослых? Не крещен – уволен, так будет?»*

Дихотомия 6:

• *стратегия апелляции к низшим потребностям:*

«А как там потом на лодочках плавать?)) Пусть делают на понтонах будем на Храме плавать. А *вообще храмов и церквей и так как собак нерезанных*. Строили бы лучше приюты и развивали школы. А то *скоро плюнуть не перекрестившись негде будет*».

• *стратегия апелляции к ценностям и высшим потребностям:*

«Люди *просто пришли в сквер сами, потому что не смогли молчать*»;

«Художник [id7030854|Рома Инк] *поставил памятник свободе собраний в Екатеринбурге. Просуществовал он всего час*»;

«Более 1500 горожан *обняли сквер* на Октябрьской площади».

Дихотомия 7:

• *стратегия «ребенок–взрослый»* и «*взрослый–взрослый*» (по Эрику Берну).

Статистически значимых носителей дихотомии 7 в исследовании выявлено не было.

Каждый агент политической сетевой протестной мобилизации имеет индивидуальный стратегический коммуникативный профиль, который может быть определен как индивидуальная матрица выборов по каждому из измерений базовых дихотомических стратегических выборов.

Анализ аккаунтов топ-10 активных агентов кейса привел еще к одному достаточно неожиданному результату и поставил новые вопросы об их характеристиках.

Таблица 2

Анализ аккаунтов топ-10 активных агентов

Id номер	Кол-во лайков в мае 2019 г.	Кол-во лайков в мае 2020 г.
1.	3 278	0
2.	3 051	0
3.	2 390	0
4.	1 965	0
5.	1 877	3
6.	1 849	1
7.	1 311	0
8.	1 295	0
9.	1 187	0
10.	986	0

Ретроспективный анализ показывает, что часть агентов в период эскалации инцидента реализовывали мобилизационную стратегию и фактически прекратили сетевую активность после ее снижения год спустя. В 10 топовых аккаунтах лидеров мнений обновления не делались с мая 2019 г. и выглядят «спящими»: информация о владельце аккаунта представлена скудно, количество подписчиков упало, на стене присутствуют редкие репосты из сообществ или тематических сайтов без комментирования и подводок владельца аккаунта. Выявленный авторами статьи феномен будет подвергнут анализу на дальнейшем этапе исследования.

Дискуссия и выводы

Медиатизация локального инцидента в социальных сетях способна стать одним из механизмов мобилизации протеста. Базовая гипотеза выявления парциальных дихотомических речевых стратегий мобилизации протеста в социальных сетях подтверждена, произведена верификация инструментальной гипотезы о наличии эксплицитных маркеров парциальных стратегий в речевых практиках агентов сетевой мобилизации, доказана возможность выявления стратегий сетевой мобилизации методами структурно-

семантического анализа высказываний, что позволяет использовать искусственный интеллект для выявления мобилизационных протестных стратегий и их агентов в социальных сетях.

Среди постов противников храма есть посты, содержащие явный призыв к действию: *подписать петицию, прокомментировать, ответить на социологический опрос, сделать репост*, при этом доля постов, содержащих призыв вступить в активное противостояние, составляет менее 10%. Тем не менее важно, что 100% постов с призывом к действию размещены на аккаунтах наиболее активных сетевых акторов (топ-10).

В речевом репертуаре лидеров протеста выделен мобилизационный инструментарий, что подтверждает гипотезу о том, что при наличии информационного повода с мобилизационным потенциалом достаточно относительно небольшого количества агентов, реализующих релевантные стратегии для медиатизации инцидента. В речевых стратегиях агентов протестной мобилизации используются приемы политической лингвистики (перенос части на целое: сквер как вся Россия), обобщений (они и мы), контекстуальной антонимии и т. п.

С позиции теории речевых актов Дж. Остина выявлены эксплицитные и имплицитные призывы к протесту, реализуемые в иллокуциях: информирование (что будет проходить, где и когда), описание положения дел (что происходит здесь и сейчас), приглашение (приходить куда-то, приглашать кого-то и т. п.), инструкция (как поступать и куда обращаться), директива (кому оказывать/не оказывать поддержку), воззвание (открытый призыв к действию). Эти посты получили наибольшее количество лайков, комментариев, просмотров и репостов в анализируемом локальном инциденте.

Перлокутивная сила речевых стратегий детерминируется аксиологической шкалой, которую можно объяснить иерархией ценностей пирамиды А. Маслоу (1999). Агенты мобилизации апеллируют как к высшим ценностям самореализации и общественного блага, так и к бытовым потребностям рядовых горожан, что позволяет максимально расширить базу рекрутируемых сторонников.

Примечания

[1] Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-011-00371 «Медиатизация локальных инцидентов как механизм мобилизации политического протеста в

информационно-сетевом обществе». Исследование поддержано грантом СПбГУ «Инновационные методологии обеспечения информационной безопасности Российской Федерации – 2020: этап 3» М1_2018 – 1. ID: 52958565.

[2] *Гирш А., Реутова А.* Горожане отстояли в сквере // КоммерсантЪ. № 82. 2019. Май, 16. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3968870 (дата обращения: 17.06.2020).

[3] *Скойбеда У.* Как «Комсомолка» разрешила конфликт в Екатеринбурге: храм/сквер // Комсомольская правда. 2019. Июнь, 17. Режим доступа: https://www.spb.kp.ru/daily/26990/4050996/ (дата обращения: 17.06.2020).

[4] *Воробьева Т.* Сквер у театра исключен из списка мест строительства храма в Екатеринбурге // Российская газета. 2019. Июнь, 26. Режим доступа: https://rg.ru/2019/06/26/reg-urfo/skver-u-teatra-iskliuchen-iz-spiska-mest-stroitelstva-hrama-v-ekaterinburge.html (дата обращения: 17.06.2020).

[5] *Арзамасцев П.* Скверная история. Горизонтальная Россия // 7х7. 2020. Июль, 22. Режим доступа: https://7x7-journal.ru/posts/2020/07/22/--1595396148 (дата обращения: 29.03.2021).

[6] *Белоконь О.* Год спустя. «Скверная история», или как Екатеринбург взорвал федеральную повестку. 2020. Май, 13. Режим доступа: https://yandex.ru/turbo/fedpress.ru/s/article/249518 (дата обращения: 29.03.2021).

[7] Скверная история на Малой Охте // Вечерний Питер. 2019. Дек., 4. Режим доступа: https://vecherka.spb.ru/?p=6537 (дата обращения: 29.03.2021).

Библиография

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Exmo, 2018.

Бодрунова С. С. Медиаполитическое взаимодействие или политическая коммуникация? К вопросу о развитии медиаполитологии в России // Медиаскоп. 2014. № 4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/1653 (дата обращения: 19.06.2020).

Борисова И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи 3. Саратов, 1999. С. 85–101.

Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.

Гусейнов А. Ш. Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2. С. 82–96.

ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Коньков В. И. Разговорная и медийная речь как две области общения. Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия // Междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия». Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, факультет журналистики. М.: Фак. журн. МГУ, 2020. С. 474–476.

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.

Ним Е. Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 8–25. DOI: https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5361

Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, Весь мир, 1996.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981.

Проноза А. А., Виткова Л. А., Чечулин А. А., Котенко И. В., Сахаров Д. В. Методика выявления каналов распространения информации в социальных сетях // Вестн. СПбГУ. Прикладная математика. Информатика. Процессы управления. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 362–377. DOI: https://doi.org/10.21638/11702/ spbu10.2018.409

Сабитов М. Р. Политический протест: теоретические проблемы дефиниции и типология // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 9 (17).

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17.

Хруль В. М. Медиатизация: метапроцесс, парадигма или просто модный «зонтик» // Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик / сост. *И. С. Душакова, Н. С. Душакова*. М., 2018. С. 138–143.

Austin J. L. (1962) *How to do Things with Words*. Available at. http://www michaeljohnsonphilosophy.com/wp-content/uploads/2013/04/austin-how-to-do-things-with-words.pdf (accessed: 20.06.2020).

Chen Y., Liu L. (2016) Development and research of topic detection and tracking. In *2016 7th IEEE International Conference on Software Engineering and Service Science (ICSESS)*. Pp. 170–173. DOI: 10.1109/ICSESS.2016.7883041

Givón T. (1986) Prototype: Between Plato and Wittgenstein. In C. Craig (ed.) *Noun classes and categorization*. Amsterdam: John Benjamins. DOI: https://doi.org/10.1075/tsl.7.07giv

Hepp A. (2013) The communicative figurations of mediatized worlds: Mediatization research in times of the "mediation of everything". *European Journal of Communication* 28 (6): 615–629. DOI: https://doi.org/10.1177/0267323113501148

Hjarvard S. (2008) The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change. *Nordicom Review* 29 (2): 105–134. DOI: https://doi.org/10.1515/nor-2017-0181

Hjarvard S. (2012) Three forms of mediatized religion. Changing the public face of religion. In M. Lövheim, S. Hjarvard (eds.) *Medialization and religion: Nordic perspectives*. Göteborg: Nordicom. Pp. 21–43.

Jenkins J. S., Klandermans B. (1995) *The Politics of Protest. Comparative Perspectives on State and Social Movements*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press: UCL Press.

Kleinberg J. (2016) Temporal dynamics of on-line information streams. In M. Garofalakis, J. Gehrke, R. Rastogi (eds.) *Data Stream Management*. Berlin; Heidelberg: Springer. Pp. 221–238. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-28608-0_11

Lundby K. (2009) *Mediatization: Concepts, changes, consequences*. New York.

McCombs M., Shaw D. (1972) The agenda-setting function of mass-media. *Public opinion quarterly* 36 (3): 176–187. DOI: 10.1086/267990

Schulz W. (2004) Reconstructing mediatization as an analytical concept. *European Journal of Communication* 19 (1): 87–101. DOI: https://doi.org/10.1177/0267323104040696

Vitkova L., Kolomeets M. (2019) Approach to Identification and Analysis of Information Sources in Social Networks. In *International Symposium on Intelligent and Distributed Computing*. Cham: Springer. Pp. 285–293. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-32258-8

Notes

Arzamastsev P. (2020) Skvernaya istoriya. Gorizontal'naya Rossiya [A Bad Story. Horizontal Russia]. *7x7*, July, 22. Available at: https://7x7-journal.ru/posts/2020/07/22/--1595396148 (accessed: 29.03.2021).

Belokon' O. (2020) *God spustya. «Skvernaya istoriya», ili Kak Ekaterinburg vzorval federal'nuyu povestku* [A Year Later. "A Bad Story", or How Ekaterinburg Undermined the Federal Agenda]. 13 May. Available at: https://yandex.ru/turbo/fedpress.ru/s/article/249518 (accessed: 29.03.2021).

Girsh A., Reutova A. (2019) Gorozhane otstoyali v skvere [City Dwellers Stood Out in the Public Garden]. *Kommersant* 82, 16 May. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/3968870 (accessed: 17.06.2020).

Skoybeda U. (2019) Kak «Komsomolka» razreshila konflikt v Ekaterinburge: khram/skver [How Komsomolskaya Pravda Solved the Conflict in Ekaterinburg: Temple/Public Garden]. *Komsomol'skaya Pravda*, 17 June. Available at: https://www.spb.kp.ru/daily/26990/4050996/ (accessed: 17.06.2020).

Skvernaya istoriya na Maloy Okhte [A Bad Story on Malaya Okhta]. (2019) *Vecherniy Piter,* 4 December. Available at: https://vecherka.spb.ru/?p=6537 (accessed: 29.03.2021).

Vorob'eva T. (2019) Skver u teatra isklyuchen iz spiska mest stroitel'stva khrama v Ekaterinburge [The Public Garden next to the Theatre Has Been Excluded from the List of Sites Suitable for the Temple Construction in Ekaterinburg]. *Rossiyskaya gazeta*, 26 June. Available at: https://rg.ru/2019/06/26/reg-urfo/skver-u-teatra-iskliuchen-iz-spiska-mest-stroitelstva-hrama-v-ekaterinburge.html (accessed: 17.06.2020).

References

Austin J. L. (1962) *How to Do Things with Words*. Available at. http://www michaeljohnsonphilosophy.com/wp-content/uploads/2013/04/austin-how-to-do-things-with-words.pdf (accessed: 20.06.2020).

Bern E. (2018) *Igry v kotorye igrayut lyudi. Lyudi kotorye igrayut v igry* [Games People Play. People Who Play Games]. Moscow. Exmo Publ. (In Russian)

Bodrunova S. S. (2014) Mediapoliticheskoe vzaimodejstvie ili politicheskaya kommunikaciya? K voprosu o razvitii mediapolitologii v Rossii [Media Political Interaction or Political Communication? On the Development of Media Political Science in Russia]. *Mediascope* 4. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=22943552 (accessed 06.19. 2020). (In Russian)

Borisova I. N. (1999) Kategoriya tseli i aspekty tekstovogo analiza [The Category of Purpose and the Aspects of Text Analysis]. In *Zhanry rechi 3*. Saratov. Pp. 85–101. (In Russian)

Chen Y., Liu L. (2016) Development and Research of Topic Detection and Tracking. In *2016 7th IEEE International Conference on Software Engineering and Service Science (ICSESS)*. Pp. 170–173. DOI: 10.1109/ICSESS.2016.7883041

Givǒn T. (1986) Prototype: Between Plato and Wittgenstein. In C. Craig (ed.) *Noun Classes and Categorization*. Amsterdam: John Benjamins. DOI: https://doi.org/10.1075/tsl.7.07giv

Gureeva A. N. (2016) Teoreticheskoe ponimanie mediatizacii v usloviyah cifrovoj sredy [Theoretical Understanding of Mediatization in a Digital Environment]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika* 6: 192–208. (In Russian)

Guseynov A. Sh. (2012) Fenomen_protestnogo_povedeniya_[The Phenomenon of Protest Behavior]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* 2: 82–96. (In Russian)

Issers O. S. (2002) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of the Russian Speech]. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian)

Hepp A. (2013) The Communicative Figurations of Mediatized Worlds: Mediatization Research in Times of the "Mediation of Everything". *European Journal of Communication* 28 (6): 615–629. DOI: https://doi.org/10.1177/0267323113501148

Hjarvard S. (2008) The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review* 29 (2): 105–134. DOI: https://doi.org/10.1515/nor-2017-0181

Hjarvard S. (2012) Three Forms of Mediatized Religion. Changing the Public Face of Religion. In M. Lövheim, S. Hjarvard (eds.) *Medialization and Religion: Nordic Perspectives*. Göteborg: Nordicom. Pp. 21–43.

Khrul V. M. (2018) Mediatizaciya: metaprocess, paradigma ili prosto modnyj zontik [Mediatization: a Metaprocess, a Paradigm or Just a Fashionable "Umbrella"]. In I. S. Dushakova, N. S. Dushakova (eds.) *Mediatizatsiya kul'tury: konstruirovanie novykh tekstov i praktik* [Mediatization of Culture: the Construction of New Texts and Practices]. Moscow. Pp. 138–143. (In Russian)

Kleinberg J. (2016) Temporal Dynamics of Online Information Streams. In M. Garofalakis, J. Gehrke, R. Rastogi (eds.) *Data Stream Management*. Berlin; Heidelberg: Springer. Pp. 221–238. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-28608-0_11

Konkov V. I. (2020) Razgovornaya i mediynaya rech' kak dve sfery kommunikacii. [Conversational and Media Speech as Two Areas of Communication.]. In *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Zhurnalistika v 2019 godu: tvorchestvo, professiya, industriya". Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M. V. Lomonosova, fakul'tet zhurnalistiki* [International Research-to-Practice Conference "Journalism in 2019: Creative Work, Profession, Industry". Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism]. Moscow: MSU Faculty of Journalism Publ. Pp. 474–476. (In Russian)

Lundby K. (2009) *Mediatization: Concepts, Changes, Consequences*. New York.

Maslow A. (1999) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. St. Petersburg: Evraziya Publ. (In Russian)

McCombs M., Shaw D. (1972) The Agenda-Setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly* 36 (3): 176–187. DOI: 10.1086/267990

Nim E. G. (2017) Issleduya mediatizaciyu obshchestva: koncept mediatizirovannyh mirov. // Sociologicheskij zhurnal [Exploring the Mediatization of Society: the Concept of Mediatized Worlds] *Sociologicheskij zhurnal* 23 (3): 8–25. DOI: https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5361 (In Russian)

Noel-Neumann E. (1996) *Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya* [Public Opinion. The Spiral of Silence]. Moscow: Progress-Akademiya, Ves' mir Publ. (In Russian)

Ozhegov S. I. (1981) *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk Publ. (In Russian)

Pronoza A. A., Vitkova L. A., Chechulin A. A., Kotenko I. V., Sakharov D. V. (2018) Metodika vyyavleniya kanalov rasprostraneniya informatsii v sotsial'nykh setyakh [Methods of Identifying Channels of Information Dissemination on Social Networks]. *Vestn. Sankt-Peterburgsk. un-ta. Prikladnaya matematika. Informatika. Protsessy upravleniya* 14 (4): 362–377. DOI: https://doi.org/10.21638/11702/ spbu10.2018.409 (In Russian)

Sabitov M. R. (2012) Politicheskiy protest: teoreticheskie problemy definicii i tipologiya [Political Protest: Theoretical Problems of Definition and Typology]. *Sovremennye issledovaniya socialnyh problem* 9 (17). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-protest-teoreticheskie-problemy-definitsii-i-tipologiya _(accessed: 29.03.2021). (In Russian)

Schulz W. (2004) Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept. *European Journal of Communication* 19 (1): 87–101. DOI: https://doi.org/10.1177/0267323104040696

Searle J. R. (1986) Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of Illocutionary Acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* 17. (In Russian)

van Dijk T. A. (1989) *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]*. Moscow: Progress Publ. (In Russian)

Vitkova L., Kolomeets M. (2019) An Approach to Identification and Analysis of Information Sources on Social Networks. In *International Symposium on Intelligent and Distributed Computing*. Cham: Springer. Pp. 285–293. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-32258-8

Поступила в редакцию
26.09.2020